

УДК 1(091):159.964.2

DOI: 10.26456/vtphilos/2025.2.174

## ОТ «PSYCHE» К ПСИХИКЕ: Т. РИБО И З. ФРЕЙД

И.А. Фролова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Т. Рибо и З. Фрейд – весьма известные европейские психологи, и их вклад в развитие психологии и психиатрии трудно переоценить. Они активно использовали термин «бессознательное». Но какой смысл они вкладывали в данный термин? Как они понимали соотношение бессознательного и сознательного в психике человека, а также в нервной деятельности и психической? В статье будут рассмотрены эти вопросы. Предпосылки возникновения психоанализа и его значение для дальнейшего развития философии также окажутся в фокусе нашего внимания.

**Ключевые слова:** Т. Рибо, З. Фрейд, бессознательное, психика, психология, философская антропология.

### 1. Предпосылки возникновения психоанализа

Долгое время проблема человеческой души обсуждалась в философских концепциях как в онтологическом, так и в гносеологическом контекстах. Век Просвещения особенно серьезно размышлял о своеобразии личности, личного опыта, о специфике познавательного процесса, о природе возникновения общественных отношений и государства. Идея равенства людей была важной темой для просветителей, чего не скажешь о XIX в., для которого тема неравенства становится весьма актуальной. Расовые теории, концепции географического детерминизма предлагают свое объяснение специфики культурных и индивидуальных различий. Возникает интерес к осмыслению символических форм культуры, потребность сравнить их, интерпретировать.

В науке тоже происходят интересные процессы: примерно с 1824 г. их принято делить на науки о природе и науки о духе. Науки о природе ищут законы на основе эксперимента; науки о духе, согласно В. Дильтею (1833–1911), стремятся понять жизнь; познающий субъект классической философии отесняется «целостным человеком», который погружен в жизненные отношения. Дильтей предложил понимающую психологию, а метод интерпретации – герменевтику – он применял для истолкования и реконструкции духовных оснований исторических эпох. Однако всякое истолкование культурных феноменов возможно только через субъективный горизонт личности, обремененной символическими формами собственной культуры. Практика интерпретации символов культуры, расшифровки культурных кодов занимала воображение многих исследователей. З. Фрейд применил метод Дильтея для собственных задач: он попытался выявить символы,

© Фролова И.А., 2025

указывающие на бессознательное, интерпретировать их; у каждого человека есть своя, сокрытая от чужих глаз, история душевных переживаний, и психоаналитик как раз имеет дело с ней, пытаясь обнаружить причины сложных и болезненных психологических состояний. Фрейд следует, по сути, следующему положению Дильтея: человеку может сказать, что он такое, только его история. Для нас важна еще одна проблема, которая была актуальной для Дильтея, а затем и для Фрейда: как возможно научное познание отдельных личностей с их особым духовным миром? Дильтей предложил «анализ понимания»: психолог анализирует высказывания личности, интерпретирует их, истолковывает. Искусство толкования текстов очень древнее, оно нас отправляет в глубь веков, к традиции толкования библейских текстов. Следует иметь в виду, что к середине XIX в. наука об истолковании – герменевтика – окончательно оформилась благодаря работам Шлейермахера. Суть метода такова: произведение есть целое, но понять его можно только тогда, когда будут поняты все его части – слова, предложения. Их нельзя вырывать из контекста, иначе смысл целого может быть искажен и неверно понят. Психоанализ будет иметь дело со словами и высказываниями, с их анализом. Итак, оказывается, что основывающийся на герменевтическом круге метод филологических наук становится основой познания жизни личности. При всем уважении к филологии Дильтей все же утверждал, что основоположения наукам о духе дает психология, а не герменевтика. То, что они взаимосвязаны, – несомненный и очевидный факт. Итак, методы понимания и самонаблюдения применимы для достижения самых разных задач: исследования истории и личности как глубинной истории.

В XIX столетии многие деятели медицины осознали необходимость тщательнее заняться исследованием личности. Франция это поняла очень отчетливо: в 1792 г. там вышел в свет важнейший документ, повлиявший на ход политического развития всей Европы: «Декларация прав человека и гражданина». Личность была признана свободной, и на этом основании были освобождены из «заключения» особые узники – душевнобольные люди. Они вернулись домой, но их состояние требовало помощи врачей. Помимо крайних агрессивных психических состояний, наблюдались и другие. Феномен истерии особенно привлек внимание психологов и врачей. Интересно следующее: разделение наук на науки о природе и науки о духе, о котором шла речь выше, своеобразно сказалось на направлениях французской психологической школы. Поскольку человек выступает как единство духовного и физического, то появилось течение **социологическое**, для которого актуальна идея индивидуальных различий, что обусловлено социальными условиями жизни, и **патопсихологическое** направление, имеющее отношение к изучению физиологии, которая обуславливает специфику психических процессов и состояний. Феномен истерии изучали все, активно использовался термин «бессознательное», который еще со времен Д. Гартли (1705–1757) связывался с функциями нервной системы, в то время как мозг

(память, мышление, внимание, воображение) рассматривался как носитель сознания. Огромную исследовательскую роль во Франции сыграла клиника Сальпетриер, где работал великий Шарко (1825–1893), а также его прославленные ученики: А. Бине, П. Жане и Т. Рибо. Шарко видел истоки истерии в нарушении периферической нервной системы. Истерия оказалась не совсем «женской болезнью»: психолог стал принимать и мужчин. Он проводил исследования с помощью гипноза и решил, что истерия связана как-то с внушаемостью. Деятельность Шарко продолжили его ученики, но в рамках статьи я остановлюсь на личности Т. Рибо.

## **П. Теодюльф Рибо (1839–1916)**

Обращение к идеям французского профессора-психолога мне представляется весьма показательным для иллюстрации становления важнейших представлений психологии. Большая часть жизни его выпадает на период, когда были весьма популярны идеи О. Конта. В свое время Конт предложил рассматривать социологию как самостоятельную науку, которая призвана открыть законы развития общества. Конт предложил изначально назвать науку социальной физикой. Т. Рибо был почитателем Конта и, в свою очередь, мечтал о том, чтобы психология стала точной наукой, основанной на эмпирическом подходе. Он, продолжая дело учителя, работал в русле экспериментальной психологии, которая основывалась на фактах из практической деятельности, но понимал, что в этой сфере возникают вопросы метафизического свойства, которые не под силу точным наукам. С 1876 г. Т. Рибо начинает издавать собственный журнал «Философское обозрение», где публикует преимущественно работы сторонников позитивизма. Показательно, что в 1885 г. он основал в Париже «Общество физиологической психологии». Термины «физика», «физиология» в XIX в. были популярны в науке, в литературе, и они подразумевали работу с фактами, претендующими на точность и научность. Вспомним сочинение Бальзака «Физиология брака».

В 1889 г. Рибо созвал Первый Международный психологический конгресс, который способствовал контактам психологов из разных стран. Он известен открытием закона Рибо в психологии, ввел термин «аффективная память» и много сделал для развития психологии и психиатрии во Франции, опираясь в качестве экспериментального материала на примеры патологий и болезненных состояний пациентов. Я говорю об этом потому, что с его трудами были прекрасно знакомы и Гюстав Лебон, и Зигмунд Фрейд. Как пишет Жерар Нуарьель, «между 1874 и 1886 годами Рибо создает понятие бессознательного, которое он определяет как прошлое, продолжающее жить в настоящем, хотя человек этого и не ведает. Позже этот концепт будет взят на вооружение Пьером Жане и Зигмундом Фрейдом, которые с его помощью отвергнут старую психологию в пользу психиатрии и психоанализа» [3, с. 64]. Популярная в то время установка на органицизм, предполагающая правомерность аналогии между человеком и обществом, позволила

Рибо выдвинуть идею о том, что психологическая наследственность работает не только на уровне индивида, но и на уровне вида – в национальном характере. Отсюда и попытка популяризировать «этнологическую психологию». Однако этим впоследствии займется Лебон, который посвятил Рибо свою книгу «Психология толпы» (1895). Теодюльф Рибо оставил после себя достаточно много сочинений, а самые значимые были переведены на русский язык [4–7].

Обратимся к главным понятиям Рибо в его книге «Болезни личности. Опыт исследования», позволяющим понять его представление о психике человека. Ключевое понятие, как заявлено в заглавии, – личность. Рибо начинает работу с четкого определения: «под личностью на языке психологии подразумевается индивидуум, ясно себя осознающий и действующий последовательно: это высшая форма индивидуальности» [5, с. 5]. Что мы видим в определении? Первое – личность есть целостность; второе – личность явно рациональна, потому что она способна действовать последовательно, т. е. исходя из своих стремлений и логики; личность есть и нечто особенное, своеобразное, поскольку индивидуальность подразумевает неповторимость. То, что Рибо испытывал трудности с терминологией, очевидно, когда он пытается дать определение психическому индивидууму. Последний трактуется вполне в духе органицизма «...как выражение организма: столь же незначительное, простое, бессвязное или сложное и такое же нераздельное» [5, с. 6]. Он хочет сказать следующее: чем сложнее, многофункциональнее организм, тем сложнее психический индивидуум. Лексика Рибо весьма напоминает лексику Л.И. Мечникова, который под индивидуумами подразумевал, например, инфузорию, любое живое существо, а также органы человеческого тела, которые работают коллективно, как индивидуумы со своей особой функцией, на благо всего организма. Впоследствии и культура стала рассматриваться как живой организм со своей неповторимой душевной организацией, что видно в концепции Шпенглера.

Французский психолог и русский публицист работали примерно в одно время. Вот рассуждения Рибо, подтверждающие мой вывод: «Психический индивидуум формируется из более или менее полного слияния простейших индивидуумов, так как *из местных сознаний составляется общее сознание*» (*курсив мой – И.Ф.*) [5, с. 6]. Весьма странное толкование, не правда ли? Что-то здесь есть из шаманизма, практика исцеления которого подразумевает возврат органу его души, потому что болезнь означает утрату органом души. Шаман, впадая в особое состояние, пытается договориться с духами вернуть душу и исцелить орган. Для Рибо целесообразная работа каждого органа есть доказательство наличия сознания как на уровне функций тела, так и на уровне функций личности. Итак, мы подходим к пониманию, что личность – это «конкретное целое, комплекс, подразумевающий **взаимосвязь органического, аффективного и интеллектуального**» [5, с. 6]. Мы вновь имеем триаду, но вместо древнего понятия «душа» появляется личность, желания и страсти вошли в понятие «аффекты»;

появляется органическая составляющая, телесная, то есть система работы и функций всех органов, и от правильной работы органической составляющей во многом зависит психическое здоровье всего индивидуума. Экспериментальная психология уделяет огромное внимание данной составляющей.

*Рибо о природе сознательного и бессознательного*

Теодюльф Рибо рассматривал две основные гипотезы о природе сознания. Одна утверждает, что сознание является основным свойством души или духа. Он полагает, что ее слабость состоит в том, что она не в состоянии объяснить феномен бессознательной жизни, о нем она не упоминает. Однако мне представляется, что это не совсем так. Главный вопрос – что считать бессознательным. Если бессознательное это то, что раньше было в памяти, а потом забылось, то концепция Платона как раз таки про это, про то, что знание есть припоминание. Кроме того, у греков мы обнаруживаем интересные рассуждения об активности души, покидающей тело во время сна. Первая гипотеза имеет прямое отношение к философии. Психологи, хорошо знакомые с философией, сочли невозможным ограничить психическую жизнь личности данными сознания. Они ввели термин «бессознательное», чтобы описать некие иные состояния психики, которые, например, игнорирует концепция Р. Декарта. Ведь если есть две субстанции – протяженная и мыслящая, а состояние сознания выступает формой последней, то откуда берутся бессознательные состояния?

Вторая гипотеза, сторонником которой выступает Рибо, подразумевает, что «сознание есть феномен, связанный с мозговой деятельностью, явление, которое... *в силу обстоятельств (курсив мой – И.Ф.)* или появляется, или исчезает» [5, с. 7]. Психологи ввели понятие *бессознательного*, но оно не совсем удачное, потому что очень двусмысленное и противоречивое. Смыслу данного понятия уделяется много внимания как в работах, посвященных историко-философскому обзору вопроса [2], так и в специальных публикациях по психологии [1]. Список работ по этой теме огромен, поэтому при желании со многими можно познакомиться самостоятельно. С одной стороны, многие специалисты-практики вообще не могут его объяснить, т. е. дать термину четкое определение. Если нет недвусмысленного определения, то объект исследования либо не конкретен, либо его нет. С другой стороны, многие ведут речь о каких-то латентных идеях, о неощущаемых ощущениях, о бессознательном сознании. Вторая гипотеза предпочла, в конце концов, опереться на науку физиологию и стала трактовать бессознательное как состояние нервной системы. Рибо говорит: «Как не существует воли вообще, а есть желания, так и не существует сознания вообще, а есть состояния сознания: только они одни реальны» [5, с. 8]. Своеобразный психологический номинализм Рибо указывает на то, что он рассматривает пребывание в сознании как факт, установленный путем наблюдения. Только практика имеет дело с фактами, поэтому психолог попытался разложить термин «сознание» на конкретные понятия. Физиология учит, что проявление сознания всегда связано с деятельностью нервной системы,

главным образом мозга. Наука показала, что психическая деятельность подразумевает нервную деятельность, но не всякая нервная деятельность подразумевает психическую: «Нервная деятельность шире психической: сознание оказывается чем-то придаточным» [5, с. 8]. Но каждое состояние сознания по структуре и динамике очень сложное и предполагает особое состояние нервной системы. Итак, у Рибо возникает гипотеза: «...*все проявления психической жизни (ощущения, желания, чувства, воспоминания, рассуждения, изобретения и прочее) могут по очереди быть сознательными и бессознательными*» (курсив мой – И.Ф.) [5, с. 9]. Для Рибо, как для исследователя, первичны физиологические условия.

Он формулирует неразрешимые проблемы сознания, которые предстоит решить науке будущего: во-первых, не понятен источник происхождения сознания; во-вторых, оказывается невозможным определить условия, которые являются необходимыми и достаточными для появления сознания; в-третьих, невозможно с помощью психометрических исследований объяснить феномен быстроты автоматизмов и длительности времени формирования сознания. Рибо полагал, что его главная задача – доказать факт «перемежаемости сознания как его главного свойства», исходя из всем известного факта: «сознание имеет свои перерывы, или, проще говоря, нельзя всегда думать» [5, с. 10].

Метафизики не приемлют такого подхода. Они полагают, что поскольку душа мыслит, то сознание должно всегда оставаться в какой-то степени, даже если память подводит настолько, что из нее все стирается. Что тут можно возразить, когда вспоминаешь практику гипнотических сеансов ведущих психологов рубежа XIX–XX веков...

Рибо исходит из наблюдений: каждый орган в человеческом организме не может работать постоянно, потому что нуждается в отдыхе, и мозг не является исключением. Однако исследователь почему-то забывает о сердце и легких, чья работа не прекращается, поддерживая все системы и органы тела. Но гипотеза Рибо – это гипотеза о состояниях сознания, которые не оставляют в памяти следов, но могут оживать впоследствии, ведь «если сознание есть явление, зависящее от определенных условий, нет ничего удивительного в том, что оно иногда исчезает» [5, с. 13]. Но здесь возникают неудобные вопросы: о каких условиях идет речь, о внешних или внутренних? Каковы они? А что значит «сознание исчезает»? Куда оно уходит? Следует сказать, что сознания как целостности для Рибо не существует. Определение бессознательного у профессора психологии оказывается еще более абстрактным и неосознаемым, чем у критикуемых им специалистов: **«Бессознательное – это физиологическое состояние, которое иногда и даже всего чаще сопровождается или сопровождалось вначале сознанием, но в данную минуту его лишено»** [5, с. 13]. Данное определение также ничего не объясняет. О каком таком физиологическом состоянии идет речь конкретно – загадка. Однако можно сделать очень важный вывод: феномены сознания и бессознательного связаны с телом, состоянием органов, с

физиологией. Рибо игнорирует сферу межчеловеческих отношений как сферу травмирующей личность среды, на чем потом заострит свое внимание Фрейд. А вот идея Рибо, которую успешно развил Фрейд: «Каждое состояние сознания представляет собой лишь очень малую часть нашей психической жизни, потому что оно ежеминутно поддерживается и подталкивается бессознательными состояниями. Мы ведь часто не можем дать отчета в своей ненависти или привязанностях» [5, с. 14].

Рибо констатирует, что психология рассматривает сознание как данность, вполне допуская идею эволюции как адаптации к среде, а бессознательное оказывается чем-то глубинным, изначальным: «Само по себе сознание – лишь свет недействительный, откровение бессознательной работы, но по отношению к будущему развитию индивидуума оно приобретает огромную важность» [5, с. 17]. Мы видим здесь рассуждение, где сознание трактуется как результат эволюции, потому что «к бессознательному, слепому, случайному, зависящему от обстоятельств приспособлению, добавилось приспособление сознательное, последовательное... Оно сократило работу естественного отбора» [5, с. 18].

Рибо предлагает рассматривать личность как структуру, которая составляется из элементарных явлений жизни: нужно идти от наблюдений, выявляя единичное и конкретное. Основой психической индивидуальности выступает «чувство тела», которое у человека и некоторых видов животных заслоняется миром желаний, страстей и мыслей. Рибо здесь опять проявляет себя как физиолог: он определяет тело как «безмолвный фон», который людьми игнорируется до тех пор, пока оно не начинает посылать нам сигналы боли наяву или во сне через сны. Рибо делает вывод: то, что заглушается и неочевидно для сознательной жизни, однажды прорывается через деятельность нервных центров, из глубин организма. Физиологическое основание в человеке всем очевидно, оно предполагает различную степень активности чувствительных и двигательных нервов. Вот почему на нем даже возводили типологию темпераментов в 1870-е годы. Наиболее известен сегодня Юнг. Тело трактовали как «чувствилище», но было замечено, что изменение настроения и состояния нельзя иногда объяснить хорошими событиями или несчастливими. Рибо концентрирует внимание на патологических случаях, анализирует их, чтобы выяснить, как составляется «Я», как оно разлагается, как психические расстройства связаны с органическими. Наблюдения убеждают его в том, что могут возникать определенные психические и органические состояния, действующие латентно, медленно, постепенно изменяя «Я». Психолог признается, что не может ответить на ряд вопросов: почему такие состояния возникают, каким образом органическое и психическое взаимодействуют и что обеспечивает стойкость такого взаимодействия, то есть он выходит на уровень философского осмысления проблем. Отрицать факт связи органического и психического бессмысленно, но именно в органических изменениях он пытается найти причину психических расстройств.

### **III. Зигмунд Фрейд (1856–1939)**

Прежде чем обращаться к концепции психики З. Фрейда, хотелось бы еще раз подчеркнуть, что до него психология в основном все же обращалась к феномену сознания физически и психически здорового человека. Бессознательное исследовалось в сфере физиологии, которая связывалась с двигательной активностью человека. Неврологический подход во второй половине XIX в. стал рассматривать индивида не как целостное существо в силу того, что обнаружился если не разрыв, то противоречие между личным и общественным. Дело в том, что стало понятно, что не только человек живет в обществе, но и общество живет в человеке, причем очень активно, определяя его поведение и стремления на основании норм. Психологов привлекают отклонения от нормы, их волнует соотношение рационального и иррационального, симптомы расщепленности сознания, болезни, что вполне можно объяснить наличием скрытых мотивов, внутренних конфликтов, личными трагедиями. Возникает потребность в изучении тех структур личности, которые не охватываются понятием рационального: на первое место выступают причины неврозов и изучение характеров.

Рационализм философии XVIII и XIX вв. оказал сильное влияние на психологию. Вера в исключительную силу разума не допускала наличие бессознательного, ведь с точки зрения логики совершенно не ясно, как можно воспринимать то, что не осознаётся? С точки зрения философии сам термин «бессознательное» выглядит по меньшей мере странно. Рене Декарт был бы весьма удивлен, услышав такой термин, ведь он не вписывается никак в его представление о мыслящей и протяженной субстанции. Что уж говорить о Гегеле?..

З. Фрейд, исходя из собственной практики, начинает понимать, что нельзя отождествлять сознательное с психическим: «психоанализ не может считать сознательное сутью психики, а должен смотреть на сознание как на качество психики, которое может присоединиться к другим качествам или может отсутствовать» [8, с. 864].

Состояния человека и поведение невозможно подчас объяснить только сознательными процессами, и вполне разумно было бы допустить существование бессознательного. Да, человек осознаёт свои восприятия, но многое остается неосознанным. Фрейд стал исходить из того, что душевные процессы по природе своей бессознательны. Сознание может ухватить и воспринять что-то, подобно тому как наши органы чувств воспринимают предметы внешнего мира. Сознание – один из компонентов душевной организации, который не может фиксировать абсолютно все.

Фрейд, вслед за Рибо, обращается к факту, когда сознательное представление о чем-то внезапно исчезает, а затем, спустя время, вновь всплывает в сознание. Он дает этому феномену название «*скрытое бессознательное*». Однако он обнаруживает и представления, которые не осознаются: что-то мешает осознанию, и эту помеху можно обнаружить и устранить с

помощью психоанализа. Фрейд вводит термин «вытесненное бессознательное». Психолог пишет: «Вытесненное является для нас примером бессознательного; мы видим, однако, что есть два вида бессознательного: латентное, но способное к осознанию, и вытесненное – само по себе и без дальнейшего не способное к осознанию» [8, с. 865].

Вот с этой категорией бессознательного он главным образом и работает. В человеке протекает множество физиологических и психических процессов, причем независимо от того, осознаёт их человек или нет. Фрейда и затем Юнга волновал глобальный вопрос: что управляет человеком и настраивает его системы. Ответить на данный вопрос невозможно, но можно попытаться открыть законы функционирования сознательного и бессознательного. Это и попытался сделать Фрейд, однако продвинулся он не так уж и далеко, а его терминология говорит о том, что ему удалось описать некоторые хорошо известные феномены, которым он дал новые имена. Цель Фрейда – выявить механизм перехода психических актов из бессознательной в сознательную сферу. Бессознательное может быть уловлено и осознано. Вот почему девиз психоанализа таков: там, где было Оно, должно встать Я. Фрейд не может смириться с тем, что бессознательное – это то, что никогда не будет в сознании. Он – рационалист, пытающийся работать с бессознательным, при этом не особенно понимая, с чем имеет дело, «не может сказать, что такое бессознательное» [9, с. 15].

Бессознательное может проявиться через речь, когда мы о чем-то вспоминаем и переживаем. Лингвистические построения – сеть, в которую попадает бессознательное, и метод свободных ассоциаций выглядит как процесс расстановки сетей. У бессознательного свой язык символов, и здесь возникает ловушка: расшифровка языка символов возможна только через субъективную интерпретацию психоаналитика. А субъективность и произвольность – это очень плохой друг научного метода. Сколько психоаналитиков, столько и интерпретаций, и при таком раскладе трудно говорить об открытии законов бессознательного. Фрейд убежден, что область проявления бессознательного вполне можно обнаружить, но что оно такое, он не знает.

Фрейд работал в основном с неврозами: они выступают как защитная реакция на травмирующую ситуацию или идею, которые хоть и вытесняются из сознания, но сохраняют аффективный заряд. Он развивает концепцию огромной роли сексуальности в возникновении неврозов, выстраивает к 1923 г. свою структуру психики, известную как триединство Оно, Я и Сверх-Я, и обосновывает механизм сублимации, занимается толкованием сновидений и практикует метод свободных ассоциаций. Фрейд попытался показать, что причины психологических расстройств зачастую надо искать в сфере отношений между людьми. Иначе говоря, причины их кроются не в дефекте какого-то органа в теле человека, а вовне. Он выходит на тему взаимоотношений личности с другими и с обществом, культурой, которые могут оказывать травмирующее действие на человека путем ограничения

свободы человека через нормы и запреты. Культура основана на отказе от удовлетворения желаний бессознательного и процветает за счет сублимированной энергии либидо.

После Первой мировой войны Фрейд пересмотрел структуру Оно сквозь призму двух космических начал (Эрос и Танатос). Он по-своему отдает дань китайской философии, трактуя символ Тайцзы в психоаналитическом ключе: инстинктивные импульсы выступают проявлениями первичных позывов к жизни или к смерти. Греческие имена поясняют китайский принцип, но ничего не объясняют, в частности, не дают ответа, почему у одних превалирует стремление к жизни, а у других к смерти. Объявление данных начал космическими тоже ничего не объясняет для науки. Чуть позже Юнг предпримет подобный шаг, применив понимание принципа Тайцзы в своем учении, введя понятия «Анима» и «Анимус». Однако дальше описания феноменов никто из них особо не продвинулся, и тайна души со всеми сокровенными философскими вопросами остается тайной.

Психоанализ Фрейда весьма интересен с точки зрения понимания человека и метода работы с ним, однако структура психики, которую создал Фрейд, внушает очень тревожную мысль о том, что все мы посттравматические, что в нас заложен механизм травмы, что главными травмирующими составляющими выступают наши близкие, дальние и само общество. Но проблема в том, что даже если психоаналитик и помог решить проблему, вы попадаете в ту же травмирующую психику систему взаимоотношений. Да, окружение можно поменять, но из сетей общества и культуры не выпрыгнуть. Психоанализ, в отличие от религии, не приносит утешения. Понятно и другое: мир души у Фрейда несколько уже, чем у Платона, где душа имеет как онтологический, так и гносеологический статус. Фрейд рассматривает душу как некий механизм, в котором надо разобраться и, если есть необходимость, починить. Таков был дух времени, когда психология стремилась стать наукой, пребывая в поиске методов работы, и этот поиск продолжается. Как справедливо отметил В.М. Лейбин, признание Фрейда в том, что он не может сказать, что такое бессознательное, говорит о том, «что, поставив и попытавшись раскрыть проблему бессознательного психического, классический психоанализ оказался не в состоянии научно разрешить ее, дать исчерпывающие ответы на вопросы: «что такое бессознательное?» и «каким образом можно познать бессознательное?»» [1, с. 362].

Однако нельзя не отметить колоссальное значение концепции Фрейда для дальнейшего развития философского осмысления человека и культуры. С одной стороны, психоанализ по-своему развивает тему жизни человека как драмы. Люди приходят в мир, пытаются самоосуществиться, но изначально, с момента появления на свет, встречаются с проблемой ограниченной свободы: семья и общество указывают ее границы. Если у экзистенциалистов драма личности связывается со свободой, то концепция психики Фрейда строится на ее ущемлении, что не делает человека счастливым. Структуралисты вполне согласны с позицией Фрейда, а в споре с

экзистенциализмом использовали положения психоанализа как важный аргумент: человек рождается несвободным, потому что изначально погружен в структуры, определяющие его дальнейшую жизнь: структуры родства, языка общения, экономические структуры, властные, культурные коды. Все это та самая среда, где формируется личность. Освободиться от названных структур вряд ли получится. Поэтому быть счастливым получается не у всех.

Человек очень хочет свободы, но часто «пожирает» других, таков порядок в природе и обществе. А это уже шопенгауэровский мотив. У Фрейда он представлен в понятиях «Эрос» и «Танатос» – в стремлении к жизни и стремлении к смерти. Оба свойственны личности. Действительно, если задуматься, то два стремления свойственны человечеству: с одной стороны, люди упорно изобретают и совершенствуют оружие массового истребления (Танатос), с другой стороны, есть мощное желание добиться большей продолжительности жизни, улучшив при этом ее качество (Эрос). Два противоположных стремления стимулируют на уровне государства определенные структуры, которые через вложение денег в обе сферы приносят доходы и определяют новые задачи для секторов производства. Совершенно очевидно, что переосмысленные греческие термины способны описать современную ситуацию на уровне личности и культуры и очень хорошо работают.

Фрейд имеет дело со страдающей личностью, которая хочет перестать страдать. Возможно ли это? Вряд ли. Сверх-Я воспринимается как то, что мешает нам жить, сковывая свободу. Тема Танатоса связана еще и с темой суицидов. Неудивительно, что возникает четвертая школа психоанализа В. Франкла, где установки Фрейда и экзистенциализма призваны помочь справиться с состоянием утраты смысла жизни. Речь человека в каком-то смысле и есть его история. Фрейд привлек внимание к анализу содержания речи, придал особую значимость языку, особенностям повествования, что позволило Франклу сформулировать суть метода логотерапии.

Итак, Теодольф Рибо, опираясь на физиологию человека и учение о нервной деятельности, попытался понять бессознательное, а Фрейд обнаружил проявления бессознательного в оговорках, снах и повествованиях пациентов. Однако, что такое бессознательное, почему возникают психические заболевания и сложные психологические состояния – эти вопросы до конца невозможно разрешить только усилиями психологии и психиатрии. Они остаются актуальными со времен Платона и Аристотеля и требуют философского осмысления. Новая авторская и научная терминология изобретается для того, чтобы приблизиться к тайне человеческой души, но пока это не совсем удается.

### **Список литературы**

1. Бессознательное: природа, функции, методы исследования. Т. И. Тбилиси: «Мецниереба», 1978. 786 с.

2. Канафьева В.В. Сознание и бессознательное: философские аспекты. СПб.: СПбГИКиТ, 2015. 149 с.
3. Расизм, ксенофобия, дискриминация. Как мы их увидели. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 379 с.
4. Рибо Т. Болезни воли. СПб.: Журнал «Популярно-научная библиотека», 1906. 119 с.
5. Рибо Т. Болезни личности // Болезни личности: Опыт исследования. Минск; М.: Харвест, АСТ, 2001. С. 4–130.
6. Рибо Т. Болезни памяти. СПб.: Реф. Журнал «Медицинская библиотека», 1881. 118 с.
7. Рибо Т. Память в ее норме и болезненных состояниях. СПб.: Издание В.И. Губинского, 1900. 168 с.
8. Фрейд З. «Я» и «Оно». Малое собрание сочинений. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2012. 992 с.
9. Фрейд З. Психоаналитические этюды. Одесса: [б. и.], 1926. 80 с.

## **FROM «PSYCHE» TO MENTALITY: T. RIBOT AND Z. FREUD**

**I.A. Frolova**

Tver State University, Tver

T. Ribot and Z. Freud are very famous European psychologists, and their contribution to the development of psychology and psychiatry can hardly be overestimated. They actively used the term "unconscious". However, what did they mean by this term? How did they understand the relationship between the unconscious and conscious in the human mentality, as well as between nervous and mental activity? The article will address these issues. The prerequisites for the emergence of psychoanalysis and its significance for the further development of philosophy will also be in the focus of our attention.

**Keywords:** *T. Ribot, Z. Freud, unconscious, mentality, psychology, philosophical anthropology.*

*Об авторе:*

ФРОЛОВА Ирина Алексеевна – канд. филос. н., доцент кафедры философии и теории культуры ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь. E-mail: star63@yandex.ru

*Author information:*

FROLOVA Irina Alekseevna – PhD, associated professor of the Dept. of Philosophy and Theory of Culture, Tver State University, Tver. E-mail: star63@yan-dex.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 22.03.2025.

Дата принятия рукописи в печать: 20.04.2025.